

Рукописный

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 53 (2771) Суббота, 5 мая 1951 г. Цена 40 коп.

НА СТРОЙКАХ КОММУНИЗМА

Газета строителей Волго-Дона

1. Ю. КАПУСТО, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Небольшая комната, из окна виден забор и соседний дом. Но если попользоваться побольше, в редакции «Сталинской стройки», комната эта покажется скучной и просторной: поменьше — отсюда видна вся Волго-Донская степь, весь широкий плацдарм величайшей мирной битвы. На Дону весна. Свежий зеленый облет крутые горы правобережья. Дон бурно вышел из своих берегов и в эту весну последнего для него разлива, затопил лубовые росы, дуга, перекалал через пороги рыбацких домов. И на Волге весна. А между Волгой и Доном — ни весны, ни шедрого лета. Лютые холодные ветры резко сменяются суховеями, вязкая глина мгновенно превращается в летучую пыль. Идет битва за весну на этой земле.

Это сложная битва, требующая усилий людей всех существующих в нашей стране профессий.

Сюда, в небольшую комнату редакции, стекается все, чем жива стройка.

Сюда бесконечно звонят из районов, со шлюзов, с насосных станций; сюда то и дело приходит с просьбой помочь, подтолкнуть, кого-то взять за бок; акселератор каждый день пачками приносит читательские письма, полные требований вмешательства.

Сотрудники редакции Геннадий Лупшов и Леонид Охотников ежедневно на популярных машинах или пешком спешат в строительные районы.

На самых трудных участках работают по выпуску спелых листов выходящей редакции «Сталинской стройки» журналисты Фролов, Баяв и Бобылев.

Взволнованный разговор, который я услышала, переступив порог редакционной комнаты, касался катанки. Трудно предположить, из какой области, из каких деталей иногда завязываются большие события. Все человечество думает о строительстве Волго-Дона. Здесь, в редакции, в этот час думали только о катанке.

Катанка. Это слово звучало в редакционной комнате не одну неделю. Вопрос изучался со всех сторон. В редакцию приходили специалисты. Приглашались «обязательные» и «обвинители». В конце недели самому молодому работнику редакции, начинающему журналисту Леониду Охотникову, было поручено написать гневную статью на тему о катанке.

Катанка — стальная проволока определенного сечения, необходимая для арматуры облицовочных плит, которые оденут железобетонные стены шлюзов.

Проблема катанки имеет свою историю. В апреле прошлого года проектировщики решили заменить олабуку стен шлюза более прочными облицовочными плитами, рассчитанными на века. Но строительство заводов облицовочных плит несколько задержалось.

Газета забила тревогу.

Теперь, когда строительство заводов подходит к концу, оказывается, что заводы не полностью обеспечены катанкой, необходимой для изготовления облицовочных плит.

И опять слово берет газета.

Конкретность, умение выбрать из множества вопросов тот, который нужно поднять сегодня, умение ухватиться за главное звено — качества, характерные для Волго-Донской многоотражки. Сегодня — это катанка, вчера — это состав бетона, завтра — вопросы быта, но это всегда именно то, что сейчас нужнее всего на стройке.

Газета — в самом центре кипучих событий Волго-Дона. Газетные листки идут на трассу не информаторами, а бойцами. За одну неделю апреля в редакцию приносили пять благодарностей экспедитору редакции Панне Ванеевой за раннюю доставку газеты. Это говорит о том, что газету ждут.

Так вот эта небольшая коллекция. Работники печати, говорит Сергей Миронович Киров, владеют сильным оружием — пером. «Это оружие имеет то свойство, что всякий им владеющий легко увлекается. Есть опасность, что это перо будет легко скользить по нашим достижениям. Но задача рабочей печати — освещать не только достижения, а говорить и о наших недостатках. Здесь, однако, надо быть сугубо осторожным. Надо помнить, что эти недостатки — наши раны. Не надо посыпать их солью».

Как же сохранить эту меру? Просто правило золотой середины здесь не поможет. Из умеренного, холодного человека газетчик не выйдет.

Газетчику мало чувства ответственности за газету. Газетчику, как воздух, необходимо чувство ответственности за всю жизнь. По существу — это ответственность партийного работника.

Скромные работники многоотражки высоко подняли сознанием своей полной ответственности за строительство Волго-Дона.

3. Михаил Иванович Калинин говорил — задача большевистской печати состоит в том, чтобы уметь отыскивать те новые победы, которые существуют в нашей жизни. Работники печати, умеющего находить эти победы, Калинин сравнил с хорошим полеводом. «Этот полевод», говорил Михаил Иванович, — обладает таким острым глазом, что семена еще не взошли, а он уже видит что-то и предсказывает».

4. Передо мной страницы номера от 14 марта. В верхнем углу слева величественная карта Волго-Дона. Правее слова, высеченные, как на граните: «Нам бетон должен выстоять века!»

Номер газеты волнует сочетание высокого этического пафоса с конкретностью и конкретностью. Многоотражка не имеет права задерживаться на высоких словах. Многоотражка немедленно спешит перейти к делу. Что значит стоять века? Нужно, чтобы стены шлюза смогли без каких бы то ни было повреждений пережить более двухсот самых суровейших зим, таких, которые случаются редко. Что для этого необходимо? Крепкий бетон. Ниже идут статьи о заводах облицовочных плит и о репертуре бетона.

Это один из лучших номеров газеты. Большинство номеров высокой значимости не хватает. Слишком уж много времени отнимает повседневная черновая работа, чтобы в каждом номере «труситься на историю». Но история это поймет. История с благодарностью сохранит эти скромные, но вполне совершенные, дорогие листки.

В музей будущего, вместе с большими шагающими экскаватором, по праву волеет негромкой славы землеройная машина — экскаватор «Уралец», который работает без простоя, безотказно вырывается в землю и поднимает за пластом пласт. Так же честно и безотказно трудится, поднимает пласт за пластом волго-донская многоотражка.

КАЛАЧ-НА-ДОНУ

Заем мира и созидания

Май в цвету! Зеленым ковром покрыты неоглядные просторы колхозных полей — попилаются дружные всходы будущих урожаев. Первый шестел свежий слышен на тысячах гектаров аэрозонитных полей: на стройках коммунизма, на фабриках и заводах ширится могучее социалистическое соревнование. По всей советской стране идет весеннее наступление во имя благополучия и счастья советского человека.

Май в цвету! С мыслью о Родине, о новых ее трудовых победах, с мыслью о мире миллионов советских граждан в майский день на улицах городов и сел демонстрировали свою мощь, свою непоколебимую волю к победе коммунизма.

Проша праздник. И с новой силой продолжают советские люди бороться за осуществление грандиозных планов. Победы четвертой (послевоенной) сталинской пятилетки вооружили наш народ еще большей верой в свои творческие возможности, открыли новые, неиссякаемые источники умножения богатств Родины.

Советский народ — народ созидатель. Творчество, созидание стали нашей потребностью людей, населяющих одну шестую часть земного шара. Мы не мыслим себе, как можно прожить день, не создав нового, полезного обществу. Будь то в цехе завода, в колхозной бригаде, в лаборатории научного института, за рабочим столом писателя, — всюду у нас оценивается человек по тому, как он работает, какие усилия он вкладывает в общее дело.

Трудовой энтузиазм строителей коммунизма в Советском Союзе стал источником вдохновения для миллионов людей в странах народной демократии, создающих по нашему образцу новую жизнь. Успехи нашего коммунистического строительства вдохновляют миллионы людей доброй воли, борющихся против поджигателей войны.

Мы сами строим свое счастье. Советское государство ежегодно ассигнует миллиарды рублей на строительство фабрик, заводов, электростанций, санаториев и школ, клубов и институтов, парков и стадионов. Все наши мысли обращены к мирному созиданию.

А в это время в лагере империалистов вынашиваются новые планы порабощения людей, планы новой кровавой войны. Империалисты США, проводя свою агрессивную политику развязывания войны, расхотят на военные нужды 87 процентов государственного бюджета. Большую часть бюджета правительств Англии и Франции отдают военным приготовлениям.

Тринадцатый четвертый год мы живем и строим, опираясь только на свои силы и средства. Одним из важных источников финансирования народного хозяйства и культурного строительства являются средства, привлекаемые от населения.

Замечательным традициям советских займов. Люди, своими руками строющие коммунизм, не жалуют ни сил, ни средств для процветания своей Родины. Займы сыграли большую роль в превращении нашей страны в могучую, передовую индустриально-колхозную державу. Около 50 миллиардов рублей или займы государству советские люди в годы довоенных сталинских пятилеток. Свыше 76 миллиардов рублей поступило от займов в государственный бюджет в дни сражений с гитлеровскими ордями, 130 миллиардов рублей поступило от займов уже в послевоенные годы.

Ныне наше правительство выпустило новый Государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуск 1951 года).

В наших займах поистине высокие и благородные цели! Они всегда служат миру. И в текущем году средства, привлеченные от населения, пойдут для дальнейшего развития народного хозяйства СССР, финансирования строительства Кубышевской и Сталинградской гидроэлектростанций на реке Волге, Каховской гидроэлектростанции на реке Днепре, Главного Туркменского, Южно-Украинского и Северо-Брянского каналов. Эти перенцы коммунизма стали родными и близкими каждому советскому гражданину. И нет человека в Советском Союзе, который, услышав сообщение о новом займе, вновь не полумал бы о счастье своей Родины, о ее завтрашнем дне. И снова, словно это продолжаетсь первомайская демонстрация, на митингах, на собраниях гремит могучее: Да здравствует Сталин! Да здравствует мир!

— Величественна и благородна роль советских займов. — сказал на митинге завода «Серп и молот» подручный литейщика Сергей Ваецшук. — В то время, когда американские хищники превращают в пустыни цветущие города Бореи, советские люди, занятые мирным созидательным трудом, превращают пустыни в цветущие районы страны. Эту цель преследует и новый заем. Я охотно подписываюсь на него.

На митинге первого механического цеха московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» технолог И. Никитин сказал:

— Совсем недавно были опубликованы замечательные итоги выполнения первой послевоенной пятилетки. Каждый советский человек встретил их с гордостью за свою Родину. Добиться столь прекрасного успеха помогли и наши сбережения, которые мы давали государству. Сейчас перед нашим народом стоит еще более грандиозная задача. На Волге и Днепре, на Дону и Аму-Дарье осуществляется строительство великих гидротехнических сооружений. Их создает вся страна. Наш патристический долг — дружной солидарной на заем ускорить сооружение великих строек коммунизма.

Так говорил стахановец Москвы. Их мысли совпадают с мыслями стахановца туземно-прессового цеха прославленного Кировского завода в Ленинграде тов. Серафимовича.

— Приобретая облигации нового займа, — говорил он на митинге, — мы помогаем родному правительству быстрее строить такие сооружения, как Волго-Донской канал, величайшие в мире гидроэлектростанции. Своими руками и своими средствами мы создаем материальную базу коммунизма.

В Минске на автомобильном заводе фрезеровщик тов. Фролов вторит ленинградцу:

— Наша цель — коммунизм. Новый заем будет способствовать построению коммунистического общества, досрочному введению в строй новых гигантских гидротехнических сооружений. Для этой цели мы не пожалеем ни сил, ни средств!

Так думают советские люди во всех уголках нашей страны. Вести с фабрик, заводов, из колхозных сел и МТС в полицию на новый заем свидетельствуют о нерушимом единстве народа. Советские люди единодушной полицией на заем лечоночируют любовь и преданность делу построения коммунистического общества. Мы создаем свое богатство мирным путем, усилием всех патристов Отчизны, мы не захватываем земли у других государств и не отнимаем богатств у других народов.

Народные рубли! Они прихотят в государственную казну от всего щедрого сердца. Отдавая Родине займы часть своих сбережений, каждый гражданин выполняет свой патристический долг.

Цветет наша Родина. Заботливо, изо дня в день умножает богатства советской страны ее хозяин — советский человек.

Писатели подписываются на заем

С огромным воодушевлением подписываются на новый заем советские литераторы — прозаики, поэты, драматурги, литературоведы и критики.

В Ленинграде на митинге писателей выступила Е. Серебровская, которая заявила:

— Нас, советских писателей, особенно радует, что новый заем называется займом развития. Это значит, что послевоенный, восстановительный период в стране завершен, и мы находимся на широкой дороге, ведущей к коммунизму.

Многие литераторы подписались непосредственно в издательствах, где в этом году выходят их книги.

В издательстве «Советский писатель» в течение первого часа подписки дали свои сбережения займу государству более 90 писателей, среди них: Г. Галаков, А. Караваев, С. Шипачев, В. Инбер, М. Буеинков, П. Вершигоров, С. Бабаевский, В. Гаврилатов, подписались А. Безмятежский, П. Антокольский, Е. Долматовский, В. Пастернак и другие.

Дружно и организованно проходил подписка на новый заем у писателей Украины, Белоруссии, Латвии, Эстонии и других республик.

Отдых 5.000.000 детей

В начале июня взвываются флаги над пионерскими лагерями. Только профессору открывают в этом году более пяти тысяч таких летних здравниц.

В нынешнем году впервые создаются лагеря для учащихся восьмых и девятых классов; в них отдохнет около ста тысяч школьников.

В пионерских лагерях профессоров предстоящим летом отдохнут 2.650 тысяч ребят — на 1.150 тысяч больше, чем в довоенном, 1940 году. По меньшей мере столько же детей пошлют на лето за город министерства, местные Советы, различные ведомства и организации. Таким образом, отдохнет летом более 5.000.000 детей.

На летний отдых детей только из фонда государственного социального страхования ассигновано свыше миллиарда рублей. Большое внимание уделяется школьникам, которые провели лето в городах. В Москве, например, для них открываются городские лагеря и детские площадки. Для педагогического обслуживания и руководства ими выделено 2.700 педагогов и около 2.000 студентов старших курсов пединститутов.

П. ПАВЛЕНКО

Замечательная школа

В День большевистской печати отдадим должное газете, воспитавшей многих из нас. Мало кто оказался в стороне от этой замечательной школы. В моей же личной жизни работа в газете всегда была и имеет большое, быть может, даже решающее значение. Я не представляю себя без работы в газете. То, что для поэта — лирика, то для меня, прозаика-журналиста, сразу есть и жизнь и творческое отношение к определенному ее явлению. Жизнь и ты. С газету на газу.

Теснота газетной полосы, маленькие «журнальные размеры» очерка, рассказы или статьи, постоянная срочность задания и вытекающая отсюда необходимость быстро и ответственно справиться с темой, как она поставлена самой жизнью, — все это учит, тренирует, волнует, растит. Я не особенно верю тому, что говорит, что его «заела» работа в газете. Значит, он плохо работал. Или газета его дурно воспитывала. Говорят еще, что газета портит язык писателя. Но любая работа может испортить то, что легко портится.

С. МАРШАК

Высокая трибуна

Один из иностранных журналистов, приехавших на Московскую конференцию министров иностранных дел (а на эту конференцию слетелось немало представителей самой реакционной, желточерной прессы), поинтересовался в беседе с нами, советскими писателями, покойного Чарльза Дикенса.

— Какой он писатель! — сказал журналист. — Он — репортер, газетчик!..

— Вы, должно быть, астет, сиб? — осведомился я.

— Да, астет и сиб, — развилно и невозмутимо ответил журналист.

Трудно передать, как пренебрежительно прозвучали в устах этого газетного корреспондента слова «репортер», «газетчик».

Что ж, может быть, та пресса, которую представлял наш собеседник, и в самом деле не заслуживает особого почтения. Дикенсон в ней и вовсе не найдешь, а просто честных, независимых людей считать по пальцам.

В Советской стране профессия журналиста — одна из самых ответственных и почетных. Газету читают весь наш народ, ее любят, ей верят.

Для писателя газета — высокая трибуна, с которой он обращается к своей стране. Для писателя газета — школа, которая учит его говорить с миллионами людей о самом значительном и жизненно-важном, говорить просто, коротко и образно.

Такой трибуной и школой была газета для Горького и для Маяковского.

Н. ВИРТА

До конца жизни

В 1922 году в «Тамбовской правде» (в которой сотрудничал и до сих пор) появились первые мои рассказы, при чтении которых теперь я ужаснулся их неидеологической наивности. От нас, репортеров, требовали жестокости и справедливости — быстрых ног, энергии, находчивости и умения в пяти строчках излагать то, чему мы обыкновенно намеревались посвящать целые столбцы.

Громадное влияние на меня и всех молодых газетчиков того времени оказало рабкорское движение — оно начиналось как раз в те годы. В редакциях начали появляться люди заводов и фабрик, нас посылали к ним — непосредственно к станку, где они работали, в их семьи, мы всей редакцией выезжали в рабочие клубы. С тех пор у меня появилась любовь к описанию быта рабочих, я записывал их мысли, сказанные вслух...

Я стал просить редактора посылать меня в окрестные деревни, и крестьянский мир, который я горячо любил с детства, но любил по-особому, стал представляться мне точно в этом свете.

«Тамбовская правда» в три года работы в ней была как бы первыми классами познания жизни, первыми политическими уроками. Они определяли всю дальнейшую мою жизнь. Из Тамбова я переехал на работу в кустромскую «Северную правду». В те годы строилось шоссе Кострома — Углич. Поездки по строящемуся шоссе, встречи с множеством всяких людей, трудовой энтузиазм не могли не захватить

Анна БРОДЕЛЕ

Путь к сердцу народа

Недавно пришлось мне слышать, как один из молодых поэтов, выступивший первую книгу стихов, усталым голосом заявил, что газета отрывает его от работы над стихами, загружает повседневными оперативными заданиями.

Стоит ли говорить о том, как не прав, как заблуждается этот молодой человек, лишенный жизненного опыта?

Исно, что писатель, пытающийся отгородиться от газеты, отгораживается от жизни.

Работа в газете предоставляет писателю широчайшую возможность говорить ежедневно, ежедневно с читателями, откликаться на самые злободневные, самые актуальные, волнующие наших людей события. Газета — это трибуна, которая обдает писателя с многомиллионной читательской массой.

Мне помнится день, когда в Латвии начали создаваться колхозы. В то время я

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Использовать богатый опыт

Мое первое стихотворение было напечатано в газете. Песня «Молодая гвардия» — тоже в газете.

С 1930 года «Правда» включила меня вместе со многими писателями в орбиту своей кипучей деятельности. «Правда» была для меня другом, выскателым критиком, внимательным и требовательным учителем.

Работа в газете невольно обогащает знания и творчество писателя. Газета учит писателя уменью выбирать актуальную, важную тему, уменью обобщать факты, находить и собирать их; она учит применению всех видов оружия большевистского слова, равно ценя и большую поэму, рисующую жизнь и людей советской страны, и моментальный отклик на злобу дня. Очень часто газета дает направление творческой мысли писателя, рекомендует ту или иную тему для поэмы, для стихотворного фельетона, для сатирической басни, лирического стихотворения.

Работа писателя в газете приносит ему огромную пользу, — особенно писателю молодому.

Газета связывает писателя с жизнью, помогает ему «вторгаться в жизнь».

С первой бригадой «Правды», созданной в начале «особого квартала» 1930 года, вышла я на Днепровский металлургический завод и с той поры побывал в составе бригад «Правды», «Комсомольской правды» и «Литературной газеты» на «Красном путиловце», на Днепрострое, Электрозаводе, строительстве московского метро, заводе «Шарикоподшипник», Балхиском бумажном комбинате, Сталинградском тракторном заводе, Горьковском автозаводе и на многих других предприятиях и стройках. Из этих поездок родились и крупные произведения, в том числе поэма «Трагедияная ночь», но могу сказать, что большую творческую радость доставила писателю, принимавшему участие в таких поездках, непосредственная помощь предприятиям и стройкам оружием художественного слова.

Писатель мог видеть свои лозунги висевшими на доках, мартенах, станках, на улицах, в общежитиях, в клубах; свои эпиграммы, воспевающие героев, рассказанные на спичечных и папиросных коробках, на бутылках с молоком; свои стихи напечатанными в местной газете и разномноженными сотнями листовок. Огромный резонанс имели стихотворные «молнии», карикатуры с подписями, фотообращения, письма в стихах, обращенные к цеху, пролету или отдельному человеку. Каждый день приносил писателю доказательства пользы и значения его работы. Писатель к тому же учился быстро откликаться на задание дни. Встречаясь с сотнями советских людей, писатель находил темы и образы для своих художественных произведений. Глубоко уверен, что опыт такой работы может и должен быть использован и применен на великих стройках коммунизма.

Печататься в газете для писателя почетно и интересно. Никакой журнал не может дать ему столь многочисленного читателя. Говорят, что газета живет один день. Это и так и не так. Хорошая статья в газете, хороший фельетон, хорошие стихи, эпиграммы живут долго и запоминаются надолго. Огромная часть изданных произведений Маяковского появилась в газете, позволяющее число стихов Дехяна Бедного — тоже в газете. Замечательная поэма П. Тихонова «Киров с нами» была напечатана в газете, поэма Самеда Вургуня «Негр говорит» — в газете.

Мы живем в такое время, когда в газете печатаются не только те писатели, творчество которых по характеру своему является наиболее публицистическим. Произведения большого чувства, широкого обобщения, к которому бы жаждали они ни принадлежали, могут и должны печататься в газете.

М. ИСАКОВСКИЙ

Около десяти лет я работал в смоленской газете «Рабочий путь». Это были годы (1921—1930), когда я, еще «зеленый» поэт, искал свой путь в поэзии и прозе, наконец, после долгих поисков и раздумий в основном наметил и определил его.

И я считаю, что в поисках и определении этого пути газетная работа была для меня очень ценной.

Человек, работающий в газете, имеет самое тесное, самое непосредственное соприкосновение со всем тем, что происходит в жизни, — с фактами, случаями, явлениями, событиями. И если он хочет быть хорошим газетным работником, то обязан ежедневно, ежедневно изучать весь этот богатый жизненный материал, анализировать его, делать выводы, уметь отличать главное от второстепенного и т. п.

Все это, вместе взятое, неизменно расширяет его кругозор, обогащает его познаниями, что, как известно, имеет самое первостепенное значение для писателя.

Далее, газета приучает работающих в ней писать кратко и просто, причем писать не вообще, писать не о чем угодно, а о самых конкретных и насущных вещах, о том, что происходит в нашей действительности. А это, в свою очередь, также не может не быть полезным для писателя и прозаика.

Несколько лет подряд страницы газеты «Рабочий путь» были и моей единственной трибуной, с которой я мог выступать как поэт. (Хотя, замечу в скобках, я работал в газете не в качестве поэта, а в качестве рядового журналиста, занимавшегося поэзией, так сказать, дополнительно).

Первое время неизбежно должен был встать и встал вопрос — о чем же я должен писать стихи и как их нужно писать, чтобы они могли печататься в газете?

Для себя я решил этот вопрос в том смысле, что предметом моей поэзии должна стать та действительность, которая меня окружает, та повседневная жизнь и рабо-

В. САЯНОВ

Большая, интересная работа

В те годы, когда я писал первые стихи, выходили в большом количестве всевозможные поэтические сборники, альманахи, антологии, пользовавшиеся успехом в кругах, объединявших начинающих поэтов. Тиражи этих сборников были ничтожны, круг читателей узок, и темы, над которыми работали молодые поэты, были под стать тиражам их издания. Условно-поэтическое, выдуманное засоряло в жизни. Малокультурные, но очень самоуверенные критики (а каждый кружок считал непринимательной принадлежностью своих сборников статью собственного «теоретика») шпорили Пастера, требовали, чтобы он устремлялся в заблудившимся высотам книжных стихов, подальше от дел и забот текущего дня. Многие талантливые стихотворцы так и застряли в тинах поэтического альманаха двадцатых годов, увязли в мелкотемье, выходясь в тисках пошлых оригинальностей, завали в приятельской кружковщине.

Только газета дала лучшим поэтам моего поколения настоящий выход в жизнь. Массовость, всенародность — один из важнейших критериев новой эстетики. Нельзя понять, как развивался современный русский стих, не изучив работы поэтов в газете, их участия в работе равновесия, их выступления перед широкой читательской аудиторией. Новые стихотворные формы были вызваны к жизни духовными запросами многомиллионной читательской аудитории.

Сначала мы шли работать в «литературные странички», еще отдаленные от остального материала, печатавшегося в газете. Могучей воле Маяковского обязаны

мы тем, что узкие рамки «литературных страничек» были разрушены, что поэзия, стихи, фельетон, рассказ, отрывок из романа, печатаемые в газете, органически стали подчиняться общему редакционному заданию, что поэты и писатели вошли в единый коллектив советских журналистов.

Тем, что наши товарищи — советские писатели и поэты могли так активно и с такой пользой для общего дела работать в советской печати в военные годы, мы обязаны Горькому и Маяковскому. Их вдохновляющий пример стал лучшей школой литературы.

Помню дни, когда А. М. Горький в начале 30-х годов приезжал в Ленинград. Писатели направлялись тогда на маневры Красной Армии, и Алексей Максимович одобрив участие литераторов в армейской печати, в солдатских газетах, каких нет и не было нигде, кроме нашей страны Советов, одобрил статьи, защищающие мир на земле.

Наша работа в армейской печати в военные годы была замечательной школой жизни для всей советской литературы. Армейская печать помогла нам глубоко понять духовную жизнь советского солдата — мужественного воина, самоотверженного борца за дело мира.

В мирную пору, в годы послевоенной сталинской пятилетки наша печать была активным борцом за осуществление грандиозной программы творческого труда советского народа.

Труясь над завершением большого романа о нашей советской эпохе, я с воодушевлением работал над статьями и очерками для советской печати.

ЛЕНИНГРАД

А. КУЛАКОВСКИЙ

Первая полоса

Я часто вспоминаю, как лет двадцать тому назад, осенью 1931 года, мне было поручено подготовить полосу для районной газеты.

Материал для полосы нужно было организовать в передовом колхозе. Пришлось добираться в самый дальний колхоз за 30 километров. Пошел пешком, никакого транспорта не было. Шел, а сердце билось от радости и тревоги. «Большое дело поручено, настоящее дело... Бывало, радуешься, когда хоть одна строка появится, а тут целая полоса отводится. Смогу ли, справлюсь ли?» Всею душой я обдумывал детали предстоящей работы. Как буду говорить с людьми, куда сначала пойду, что осмотрю... Шел без отдыха, без передышки. Полоса должна быть во-время.

Пришел во второй половине дня и сразу же взялся за дело. В редакции дали мне блокнот с грифом. «Будешь записывать», — сказали, — все, что увидишь, все, что услышишь». Но я стеснялся вынимать этот блокнот, когда беседовал с колхозниками, и стремился все запомнить. Когда же все сведения и впечатления до такой степени наполнили память, что я начинал тревожиться, чтобы не упустить их, тогда забивался в укромный уголок и там, с сокращением, как некогда на лекциях, записывал и записывал.

Ночью, несмотря на большую усталость, я долго не мог заснуть. Перед глазами все время вставали люди, которых я видел, с которыми беседовал. «Материала» было так много, что я не знал, с чего начать.

Я пробываю в колхозе еще два дня. Втихомолку писал почти весь свой блокнот. На обратном пути был сильный дождь. Никогда, ни о чем я так не тревожился, как о своем блокноте. Я положил его себе на грудь под одежку и, если дождь лал в лицо, старался идти боком, чтобы уберечь свои записи. Я чувствовал себя обладателем такого кладез, и мне

казалось, что любая крупинка из него может заполнить газетную полосу.

Это было началом моей газетной работы.

Очерк я написал, а написанный блокнот остался у меня далеко не использованным. С тех пор почти в каждой командировке я вот так же наблюдал, беседовал, восхищался, записывал. Люди, их дела всегда захватывали, волновали меня. Небольшие доли собранного материала использовались в газете, а остальные откладывались, накапливались. Я мечтал о том времени, когда все это покажется, когда будет смысл попробовать свои силы в литературе.

Но грянула война. Сгорели все мои записи и большая папка напечатанных очерков. В войну не пришлось мне работать в газете — служил в пехоте, командовал подразделением. Однако привычка газетчика не оставляла меня и здесь. Как и прежде, я всегда носил с собой блокнот и старался записывать самое важное, самое интересное.

Демобилизовавшись в мае 1945 года, я снова пошел сотрудничать в газету. Очень часто бывал в колхозах, в совхозах, на предприятиях. Снова появилась у меня привычка к запискам, и снова использовался в газете далеко не весь материал. Вспоминаю иногда спать спокойно не давали. Захотелось попытаться написать рассказ.

Не знаю, уместно ли сейчас говорить о каких-то итогах моей работы. Они пока еще незначительны. Однако все, что я сделал как писатель, я сделал только благодаря газете. Я не хочу этим сказать, что это единственно правильный путь в литературу. Каждый идет своим путем. Но мне лично пришлось идти в литературу через газету, и я знаю, что именно газета научила меня видеть и наблюдать.

МИНСК

М. МИРШАКАР

Драгоценное качество

Мне вспоминается 1931 год. Пустынная, выжженная солнцем Вахшская долина. В те дни здесь слышался необыкновенный шум — экскаваторы вгрызались в землю. Это была одна из первых ирригационных строек в Советском Союзе — Вахшский канал имени Сталина. Вооруженные мощной по тому времени техникой, с помощью всего советского народа таджикские колхозники осуществляли вековую мечту своих предков — укротили бурный Вахш, превратили пустынную долину в долину колхозов-миллионеров — житницу советского длинноволокнистого хлопка. Там, где были пески, теперь растут хлопок, янтарь, лимоны, сахарный тростник, гранаты.

И сейчас, читая о начале грандиозной строек коммунизма на Аму-Дарье, Волге, Днепре, я вспоминаю, как пешком и верхом, в качестве корреспондента и редактора газеты «Ударник строительства Вахша» я пробирался сквозь камыши, подсаживаясь в кусты, вступая в споры и темпах, о качестве строительных работ и писал, писал заметки, статьи, стихи в свою газету.

Как драгоценен и увлекателен этот погранично творческий труд газетчика! И я представляю себе, как почтенна и ответственна роль журналиста и нас, писателей, на новых грандиознейших стройках коммунизма, — надо все запечатлеть в памяти, записать, глубоко и ярко обо всем рассказать не только советскому народу, но и народам всего мира. Мне это особенно ясно потому, что мы тогда, в годы своей молодости, на первой стройке не успели этого сделать. Мы жили напряженной жизнью, спешили, не учитывая многого, о чем сейчас было бы интересно узнать молодежи, строителям новых каналов. Мы, тогда еще юные газетчики, не имели опыта и хотя много писали, но мало записывали впрок для большой работы. Хотелось, чтобы молодые журналисты, которые будут работать на стройке новых каналов, учили эти наши ошибки.

Надо сказать, что все наши писатели — и Мирзо Турсун-заде, и Сатим Улуг-заде, и Абдулхамид Дехоти, и другие начинали свою работу в газете. Да это и закономерно. Многочисленные поездки по поручению редакции помогали нам изучать жизнь, быстро открываться на новые явления, жить интересами народа, узнавать его мысли и мечты. Все эти драгоценные качества воспитывала в нас газета.

До сих пор я стремлюсь не порывать связь с газетой, ибо порвать с ней связь — это же самое, что отстраниться от жизни.

Горько люблю я боевую работу литератора. Дней бытия всегда для меня — большой праздник. Так празднуют дети день рождения своего отца. Газета нас воспитала, и мы приветствуем в этот праздник всех тех, кто день за днем беззаветно служит боевым задачам советской большевистской печати.

СТАЛИНАБАД

Ю. ЯНОВСКИЙ

Воспитатель литератора

Помню первую поездку в 1924 году от Киевской газеты «Вільшовик» в Черкассы. Сколько незабываемых встреч, ярких красок, какое душевное подлинное жилище! Помню другую поездку, отведенную от первой издательством одним голом, — в Норинберг, на процесс главных военных преступников. Притихшая Германия, низкое серое небо, замки, где недавно еще проектировались летавшие снаряды, древние камни Европы, советские гвардейцы, шедшие от Волги, стоящие на Эльбе. Американское раскормленное войнство, жующее реинку, задраивающее ноги выше голы...

Вспоминая поездки, вспоминаю связь с газетой, задаю себе вопрос: что же дала мне, литератору, работа в газете, как отразилась, как повлияла она на мое формирование?

Работа в газете воспитывает в литератора большое чувство ответственности перед читателем: факты должны быть проверены, диалоги — достоверны. Газета требует (и справедливо!) краткости изложения. Лаконизм дисциплинирует перо, тренирует мысль, обогащает язык. Как благодарно много в этом плане дает для писателя изучение работ В. И. Ленина и И. В. Сталина. Великолепное отточение слова обдает предельно ясную философскую формулировку, словам тесно — мысленно просторно, богата синонимика русского языка переливается алмазными гранями... Каждый день надо обращаться к этой сокровищнице.

Краткость и выразительность. С благодарностью вспоминаю газету, воспитывавшую эти качества. «Точность и краткость» — вот первые достоинства прозы, — писал еще Пушкин. Сколько великих качеств вмещает такая коротенькая фраза. Ведь это готовая тема для многостраничной научной диссертации. Краткость — не метрическая, конечно. Четырехстрочный роман «Война и мир» краток по отношению к мыслям, запечатленным в нем, а какой-нибудь ватный рассказ бесконечно длинен по той же причине...

Газета — воспитатель литератора. Речь идет, разумеется, о нашей советской газете. Буржуазная печать развращает литераторов, проповедует продолжение и подлость, уголовничан и гангстеризм. Да у них и цели другие: обманывать читателей, прививать им психоз, нужней воротил Уола-стрита, пропагандировать новый кровавый бизнес — войну.

Наша советская печать — светлое оружие мира, дружбы, братства людей. И пропагандируем мы солнечное будущее земли — коммунизм!

КИЕВ

«Видеть на экране человека... в отчужденности...»

«Видеть на флоте бытовое выражение: «спереди смотрящий»...»

«Газета живет один день. По многому на светском листе живет дольше...»

«За последнее время издано несколько книг очерков советских журналистов...»

«...Как о деле решенном, реальном, говорят люди в Булгаковке...»

«Так писал Н. Рябов из села Булгаковка Саратовской области в 1945 году...»

«Когда узнаешь о присвоении Сталинской премии 1950 года группе работников «за создание комплекса машин...»

«А. Колосов еще в 30-х годах писал об использовании колхозами «малых вод»...»

«Нет, не «традиционной близорукостью», но зоркостью, умением видеть и предвидеть...»

«Бернард Шоу писал когда-то, что видеть так не противозакономерно журналисту...»

«Конечно, буржуазная пресса в отношении лицемерия, прямой лжи и клеветы...»

«Книга очерков В. Полторацкого носит название «В дороге и дома»...»

«творчество это станет несомненно богаче, не теряя своей лирической...»

«Третье-четвертое вступительными абзацами — о прекращении и суровом таежном крае...»

«Жанр газетного очерка, газетного рассказа — трудный жанр...»

«Характерное явление в нашей послевоенной журналистике — о Западе пишут не обязательно профессионалы-международники...»

«За последнее время издано несколько книг очерков советских журналистов...»

«Очеркист с тонким лиризмом, с любовью к людям рассказывает о трудовой жизни старого волжского багачника...»

«Начало очерка — единичными копиями ямки в земле, интуитивные описания...»

«А вот конец очерка, конец знойного дня на просторах Молдавии...»

«Там двое нынче ко мне пришли на работу. Говорят, вы послали. Как с ними? — Какие двое? — Да говорят, что возле оловос орехи копали...»

«Так, без диалектики, не называя очеркист самым построением очерка, естественным движением повествования...»

«Концовка в лучших вехах Полторацкого поднимает основной идею, пронизывающей очерк...»

«Хочется, чтобы голос В. Полторацкого окрест, чтобы получили дальнейшее развитие черты творческого своеобразия...»

«Хочется, чтобы получили дальнейшее развитие черты творческого своеобразия...»

«Большая часть творческой жизни Алексея Колосова неразрывно связана с работой в газете «Правда»...»

«Творчество А. Колосова пронизано борьбой, насыщено проблемами и противоречиями...»

«Порсток Егорка, рабочий черепитного завода, поймал в яме между двух коряг гигантского восьмипузового сома...»

«Егорка... заблуждался, но уже не только тем, что «собрал» редкую рыбу...»

«Простой, незамысловатый сюжет, казалось бы, незначительный случай приобретает у Колосова новый, неожиданный смысл...»

«Людвиг Тарасович побывал в передовой артии «Муравей» и яснее увидел, как запущены дела в их родном колхозе...»

«В уважении к нашим товарищам, газетчикам, надо по-хозяйски разбираться, что плохо, а что хорошо...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

«Есть у писателя рассказ: «Пиковая дама». Приезжает из Москвы старик...»

«После представления, которое имело шумный успех, участники возвращаются гурьбой...»

«О многом сказано в этой маленькой, но богатой смыслом и оттенками вещице...»

«Чтоб намилось хорошие педагоги, хорошие руководители хором и драмкружков...»

«Колосов в этом отношении — не исключение. Эта его черта — в традиции всей нашей литературы...»

«Критика в колгу перед очерком. Сомнительную пользу приносит рецензия...»

«В уважении к нашим товарищам, газетчикам, надо по-хозяйски разбираться, что плохо, а что хорошо...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

«Пусть зной или свинец метелица-вьюга...»

«Найдет, улыбочка, беседа завяжет...»

«Засажена лесом степная яруга...»

«Его не увидите вы на портрете...»

«Борис ЕГОРОВ и Ян ПОЛИЩУК ФЕЛЬЕТОН»

Дельные и бездельные

«Наблюдательный администратор одной из московских гостиниц...»

«Первые — народ стремительный. Па их житейственных лицах написано сознание избранности...»

«Он старается всего урвать побольше. Или, как они говорят, выпарапать...»

«В отрывке от «толкачей» племя «прогулочников» — жигарное и щедрое...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

«Мой друг занимается делом своим...»

«Найдет, улыбочка, беседа завяжет...»

«Засажена лесом степная яруга...»

«Его не увидите вы на портрете...»

«Борис ЕГОРОВ и Ян ПОЛИЩУК ФЕЛЬЕТОН»

Дельные и бездельные

«Наблюдательный администратор одной из московских гостиниц...»

«Первые — народ стремительный. Па их житейственных лицах написано сознание избранности...»

«Он старается всего урвать побольше. Или, как они говорят, выпарапать...»

«В отрывке от «толкачей» племя «прогулочников» — жигарное и щедрое...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

««В дороге и дома» В. Полторацкого — книга неровная...»

Отравители из „Кольерса“

М. ГАВРИЛОВ

Можно было бы думать, что в наши дни, когда так много говорят о демократии, демократия превратилась в нечто вроде ремесла. Другое, наоборот, находится в законах и правилах, обязательных для людей порядочных.

Чернильные рабы Уолл-стрит следуют к этой второй категории. Когда американские бандиты пера публично лгут за рубль, удаляют в заголовках клевету и раздувают военную истерию, они отнюдь не проявляют каких-либо признаков раскаяния. Наоборот, газетный гангстер, выставленный на всеобщее позорище, нагло усмеивается и, пережив стандартную антисоветскую жажду из-за одной шекли за другую, заявляет: «А мы еще и не такое можем... лишь бы доллар больше!»

Именно так поступила редакция выходящего в США журнала «Кольерс», сгинувший на выступлении советского писателя и журналиста Бориса Полевое на Второй Всесоюзной конференции сторонников мира.

Вот что говорил на конференции Б. Полевой:

— Как советский литератор, я хочу, чтобы в позорный список поджигателей войны, наряду с такими матерями империалистическими водами, как Уинстон Черчилль, Мур-Браузон, Джон Форстер Даллес, Омар Брайли и другие, заносились и такие скалды империализма, пропагандисты войны, мастера клеветы и дезинформации, как прожорливый писака Льюис из «Нью-Йорк таймс», как пресловутый Дрю Пирсон из «Дейли митинг», как погромщик Поль Шуберт из «Кольерса», как турецкий бандит пера Ичиди, как белградский гарлик Моше Пьяде, про которого гославы говорят, что это поместь крысы и змеи. Всем этим пропагандистам войны место на скамье подсудимых будущего процесса рядом с их империалистическими хозяевами.

Выступление Бориса Полевого пошло редактору «Кольерса» не в бровь, а в глаз. 16 декабря прошлого года журнал разразился передовой статьей. В этой передовой он попытался ответить советскому писателю. «Кольерс» выразил деланное удивление по поводу того, что Б. Полевой «становился только на одном из наших ребят» и назвал лишь «случайного кандидата» для включения в список поджигателей войны. Редакторы «Кольерса» бодро провозглашают: мы все так! «Если нам предстоит идти на виселицу», — говорится в статье, — мы... надеваем петлю все вместе!»

Сочтя, как видно, что этой разухабистой статье недостаточно, редакция «Кольерса» поместила 3 января 1951 года в газете «Нью-Йорк таймс» рекламное объявление размером в целую страницу, озаглавленное: «Вы еще не все видели, товарищи!» Журнал цинично заявил:

«Да, «Кольерс» будет и впредь печатать многочисленные материалы, достойные петли. В этом, так сказать, «программном» объявлении поджигатели войны из «Кольерса» приводят заглавие 31 статьи, авторы которых, по мнению редакции, ни в чем не уступают погромщику Шуберту, отмеченному Б. Полевым в качестве кандидата на скамью подсудимых.

Подбор статей, как и говорить, удачный. В злобном букете, которым бахвалится редакция журнала, имеются все образцы разнузданной антисоветской поджигательской пропаганды. Тут и славословие предателю, шпиону и пачуку Тито, и фальшивые вопли о «вооружении» Восточной Германии, и клеветнические статьи о Китае и странах народной демократии. Есть здесь провокационные выкрики о «коммунистическом угрозе», истерические призывы шпионажии и, наконец, замаскированные призывы к войне с Советским Союзом и другими миролюбивыми странами, — словом, весь затасканный и

перепетый «репертуар» американских поджигателей войны.

— Мы гнали, клеветали и дезинформировали, — нагло признается редакция «Кольерса», — и будем продолжать в том же духе.

Но хотя редакторы «Кольерса» развально поясняют на страницах «Нью-Йорк таймс», ни им самим, ни их хозяевам совсем не смешно. И те и другие хорошо знают, что американский народ, как и все миролюбивые народы, не хочет новой войны и стоит за сохранение мира. Поэтому владельцы контрольных пакетов акций и получатели дивидендов с Уолл-стрит и пускают в ход все средства, чтобы опутать ложью свой народ и другие народы, обмануть их и бросить в пекло новой всемирной войны.

Одно из самых опасных орудий этого обмана — продажная буржуазная печать, в том числе — поджигательский журнал «Кольерс».

Различные органы буржуазной прессы делают свое грязное дело по-разному. Некоторые, вроде журнала «Американ мэгэзин» (выпускаемого, кстати, тем же издательством «Кроуэлл паблишинг компания», что и «Кольерс»), работают грубо, в открытую. Они с циничной откровенностью признают, как это сделал «Американ мэгэзин», что США претендуют на роль «жандарма земного шара». Или выступают, как, например, еженедельник «Лайф», с истерическими призывами поскорее начать войну против СССР и «закончить» с социализмом.

Редакторы «Кольерса» пытаются действовать тоньше. В разноголово, но по сути единой воле Уолл-стрит хоря американских поджигателей войны «Кольерс» отведено особое место — так сказать виртуоза поджигательских дел, спланиста по самому изощренному обману читателей.

Нынешний хозяин «Кольерса» — банкирский дом Моргана — стремится использовать в своих целях прежнюю репутацию этого журнала, как «оппозиционного настроенного к монополиям издания. Лет 50 тому назад, когда американский империализм делал только свои первые шаги, «Кольерс» возглавляла так называемые «свободные журналы», не зависевшие еще от монополистического капитала. «Кольерс» принадлежала тогда представителям американской средней буржуазии, пытавшимся устоять перед натиском монополий Уолл-стрит. Эти журналы, как засвидетельствовано в одной из книг по истории американской печати, разоблачали «Уолл-стрит... обе палаты конгресса, ограбление народа, заговор компании «Стандард ойл» Рокфеллера, расхищение естественных ресурсов государства».

Так, в 1905 году «Кольерс» в одной из своих «разоблачительных» статей справедливо писал, что «печать Америки подкуплена» и превратилась в «орудие пропаганды» трестов, обманывающих и грабящих народ.

С тех пор много чернил утекло... В конце концов владельцы трестов прибрали к рукам и «Кольерс». Он стал собственностью «Кроуэлл паблишинг компания», находящейся под контролем Моргана. После этого «Кольерс» никогда ни на иоту не отклонялся от линии, установленной Национальной ассоциацией промышленников и лордом Моргана. Надо ли что-нибудь еще прибавлять к этой характеристике?

Судьба «Кольерса» — это история положения монополиями одного из «свободных» американских журналов, и она еще раз с убийственной силой показывает,

что в США «свобода печати» существует только для миллиардеров и миллионеров Уолл-стрит.

Ныне «Кольерс», выходящий почти трехмиллионным тиражом, является одним из главных пособников Уолл-стрит в деле разжигания новой мировой войны. Этот журнал в руках поджигателей войны — орудие массового отравления умов простых людей. Из номера в номер «Кольерс» внушает читателям, что злободневные военные приготовления США и их сателлитов носят чисто «оборонительный» характер, а мирная внешняя политика СССР и других стран демократического лагеря «агрессивна» и создает якобы «угрозу» для американского народа. Усердно выполняя приказ своих хозяев — во что бы то ни стало оглушить американский народ военной истерией, сбить его с толку и втянуть в новую войну, «Кольерс» изобретает в различных способах надувательства. Подлаживаясь к настроениям простых людей Америки, втираясь к ним в доверие с ложью опытного шута, этот реакционный журнал выступает даже с «критикой» тех, кто, по его мнению, наносит ущерб «общему делу» американских империалистов чересчур уж откровенными высказываниями.

Так, 11 ноября прошлого года «Кольерс» поместил передовую статью «Война не может предотвратить войну», в которой он критиковал морского министра США Мэтьюса и других американских деятелей, выдвинувших требование немедленно начать «превентивную» (предупредительную) войну против Советского Союза. При этом редакция «Кольерса», насколько не возражала против конечных целей вышедшей агрессивной политики США, добивалась, по существу, лишь более осторожной пропагандистской «обработке» рядовых американцев, которых возмущают и отталкивают откровенные призывы к развязыванию войны.

Подобные статьи в «Кольерсе» — не что иное, как обманный маневр опытного игрока в пропагандистской команде американских атомщиков. Но разоблачение Б. Полевым одного из кольтерсовских редакторов явно вывело из равновесия редакцию, которая оторосла в сторону привычного маскривоу и заговорила на чистоту.

Из наглого выступления «Кольерса», взбешенного речью Б. Полевого на конференции сторонников мира, так и выплывает иллюзия безнаказанности, слепая вера в непогрешимость полицейской дубинки и атомной бомбы, на которые все еще уповают закисневшие поджигатели войны. «Кольерс», придя в неистовый восторг от временных успехов макартуровских армий, когда им удалось осенью прошлого года прорваться в Северную Корею, писал: «Хорошо организованная, смело примененная военная мощь привела к успеху там, где не справилась гибкая дипломатия. Из этого наглядно установленного факта неизбежно следует вывод: наше правительство должно со всей последовательностью проводить эту политику и впредь...»

Пустая, вздорная иллюзия! В свое время на подобную «политику силы» возлагали свои надежды Гитлер и его приспешники.

В то же время за циничной бравадой редакция «Кольерса» скрывается неуверенность и страх перед будущим. Как ни храбрятся наемные писаки из американского журнала, видно, что на душе у них кошки скребут. Они чувствуют: в предурегии советского писателя — непоколебимая правда; придет время, когда американский народ, объединившись для защиты мира с другими миролюбивыми народами, будет судить главных поджигателей войны с Уолл-стрит. Он будет судить и их пособников из журнала «Кольерс».

SKORZENY: L'enlèvement de Mussolini

FIGARO

8 francs
VENDREDI 31 MARS 1950
N° 1770 124 ANNEE

AVEC L'ALBUM DU FIGARO VOUS SEREZ A LA DERNIERE MODE

LUMIER-Jonas

alle salade déjant

MISSIONS SECRETES:

L'ENLEVEMENT DE MUSSOLINI

L. 26 juillet 1943, Hitler m'appelle...

(Voir en page 5 le texte de l'ancien chapitre d'OTTO SKORZENY)

HIER A STRASBOURG

JAMBONS

et bric-à-brac

BOULEVARD RICHARD LENOIR

Весной прошлого года реакционная парижская газета «Фигаро» начала печатать записки эсэсовца Скорзены о выполнении им «секретных миссий» Гитлера (снимок слева). Скорзены известен во Франции, как «убийца номер один». По его приказу были истреблены сотни французских военнопленных. Публикация «мемуаров» кровавого палача, показавшая всю глубину падения маршаллизованной французской прессы, вызвала негодование всех честных французов.

Вечером 31 марта к редакции «Фигаро» устремились по-

токи возмущенных людей с требованием прекратить пропаганду гитлеризма. Демонстранты изорвали сотни экземпляров продажного листка (снимок справа). Для разгона демонстрации были высланы значительные полицейские силы, действовавшие с исключительной жестокостью. События, связанные с публикацией мемуаров Скорзены, легли в основу романа «Газета «Ля Капиталь», принадлежащего перу молодой писательницы Жилетты Зиглер. Ниже мы печатаем этот рассказ с небольшими сокращениями.

Жилетта ЗИГЛЕР Газета «Ля Капиталь» Рассказ

Жираль вошел в кабинет, толкнул за собой дверь ногой и обратился к Детре так, как будто они продолжали разговор, начатый уже давно:

— Ну, а вы, вы-то что об этом скажете?

Ноэль Детре поднял на него глаза, в которых было столько удивления, худощавого и немного согорбленного, вообще никогда ничего не выражал, кроме усталости и скуки.

— О чем? — спросил он спокойно и неторопливо.

— Вы знаете, что мы начинаем печатать с завтрашнего дня? Похождения этого палача Пальзы...

Детре сдвинул брови.

— Вы говорите о записках «Гражданская война»? Как же, знаю. Патрон подписал с ним договор месяц тому назад.

— Нет, вы подразумеваете записки Пальзы, того самого Пальзы, по приказу которого были расстреляны тридцать патриотов в Лионе... Сестра моего друга Поля погибла вместе с другими...

— И уже забыл эту историю. Их было слишком много... Что же вы собираетесь делать?

— Что делать? Но ведь это величайшая подлость — предоставлять страницы французской газеты такому негодю!

— Не величайшая, — ответил Ноэль, закуривая папиросу. — а всего лишь очередная. И я не знаю, чего вы от меня хотите. Я веду отдел рекламы. Обратитесь к редактору.

— Уже обращались. Разумеется, он расхохотался нам в лицо. Но составление петлички с требованием запретить эти записки. Мы собираем подписи. Вы не подпишетесь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что, дорогой мой, в мои обязанности не входит следить за нравственностью газеты «Ля Капиталь». Я знаю, что в ней всем заправляют полтора. В других газетах то же самое. Я знаю, что она существует на американские деньги. Другие газеты тоже. Я знаю, что «Ля Капиталь» разрабатывает своих читателей и привлекает на скотские взгляды на жизнь. Другие газеты занимаются тем же самым.

Я не могу этому помешать. Я могу только потерять свое место, ибо вы отлично знаете, как будто они продолжали разговор, начатый уже давно:

— Ну, а вы, вы-то что об этом скажете?

Ноэль Детре поднял на него глаза, в которых было столько удивления, худощавого и немного согорбленного, вообще никогда ничего не выражал, кроме усталости и скуки.

— О чем? — спросил он спокойно и неторопливо.

— Вы знаете, что мы начинаем печатать с завтрашнего дня? Похождения этого палача Пальзы...

Детре сдвинул брови.

— Вы говорите о записках «Гражданская война»? Как же, знаю. Патрон подписал с ним договор месяц тому назад.

— Нет, вы подразумеваете записки Пальзы, того самого Пальзы, по приказу которого были расстреляны тридцать патриотов в Лионе... Сестра моего друга Поля погибла вместе с другими...

— И уже забыл эту историю. Их было слишком много... Что же вы собираетесь делать?

— Что делать? Но ведь это величайшая подлость — предоставлять страницы французской газеты такому негодю!

— Не величайшая, — ответил Ноэль, закуривая папиросу. — а всего лишь очередная. И я не знаю, чего вы от меня хотите. Я веду отдел рекламы. Обратитесь к редактору.

— Уже обращались. Разумеется, он расхохотался нам в лицо. Но составление петлички с требованием запретить эти записки. Мы собираем подписи. Вы не подпишетесь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что, дорогой мой, в мои обязанности не входит следить за нравственностью газеты «Ля Капиталь». Я знаю, что в ней всем заправляют полтора. В других газетах то же самое. Я знаю, что она существует на американские деньги. Другие газеты тоже. Я знаю, что «Ля Капиталь» разрабатывает своих читателей и привлекает на скотские взгляды на жизнь. Другие газеты занимаются тем же самым.

с места. Тогда заметно выросла. Не меньше тысячи человек. На двух грузовиках подъехала полиция. Полицейские опели фасад и расположились в вестибюле. Но, очевидно, демонстранты не собирались атаковать редакцию. С решительными шагами люди стояли плечом к плечу и пели «Марсельезу».

Ноэль пожал плечами:

«Что они жут? Чтобы Морель вышел перед ними извиниться?»

Половина восьмого. Домой. Не так-то просто будет пробраться через эту толпу.

На лестнице его обогнал Жираль. Прягая через ступеньки, он крикнул Ноэлю:

— Я пойду к нам, а те, кто не пойдет, негодяи. Вы знаете, что Морель боится выйти. Он наблюдает с балкона. Полиция вызвала его сына.

Детре ничего не ответил. Когда он вышел на улицу, никто не обратил на него внимания, он мог свободно уйти. Демонстранты лежали теперь «Песню партизана». Почти невольно он остановился около них.

Подъехала еще одна грузовик с полицейскими. Детре едва успел остановиться: выскочившие из машины полицейские чуть было его не схватили. Без предупреждения, с полными резинными дубинками они бросились на толпу. Гвал уларов обрушился на обнаженные головы поющих. В первых рядах образовалась свалка, здесь полицейские встретили кулаками, но здание ряды стали отступать, разбегаться, и Ноэль последовал за бегущими. Было бы слишком глупо дать себя захватить, будучи совсем ни к чему не причастным!

В конце Елисейских полей Ноэль остановился, задышался. Уже много лет его сердце не билось так лихорадочно.

Полицейский бросился к Ноэлю, схватил его за руку. Трое демонстрантов устремились на вырчку. Их отгоснали. Вырвавшись, Ноэль побежал за ними по дорожке бульвара, стараясь не споткнуться о железные стулья. Впереди него бежал старый рабочий и два подростка. Один из них держал в руке кожаный портфель, которым он прикрывал голову.

— Что вы здесь делаете? — крикнул кто-то позади Детре.

Обернувшись, Ноэль узнал сына Мореля. Дени, завлевающего спортивной хроникой «Ля Капиталь». Он был в высоких сапогах, в руках — резиновая дубинка. Ноэль не успел ответить. Дени уже настиг двух подростков и пустился в ход свое оружие. Бежавший с портфелем упал. Его товарищ пытался схватить сына Мореля за ногу, но тот заносит ему такой удар, что юноша падает. Дени Морель бьет со звериной яростью. «Довольно! Довольно!» — просит подбежавший полицейский. Кровь струится со лба юноши. Еще удар, еще и еще. Кажется, что ни не берет конна. Но вот в конце. Ноэль Детре схватил опрокинутый железный стул и с всею размаху ударил им по голове сына Мореля.

Было уже 10 часов, когда заезжающий отдалом рекламы газеты «Ля Капиталь» Ноэль Детре решил вернуться к себе. Вот выдался вечер! Пришлось немало повозиться с парнем, которого избил Морель. Парень был еще без сознания, когда Детре привез его домой. Хорошо, что полицейские оставили Детре в покое. Правда, им было не до него: они зашпиливали от прожогов... Странное дело: приятно одетье люди, казалось, каждый из них остановился только, чтобы посмотреть, а потом все они ринулись в драку. Действительно, может быть, сначала они и были просто зрителями, а потом, как и он... Почему они не смог удержаться?

Детре привез раненого домой вместе с его другом, который не захотел оставить товарища. К счастью, серьезных повреждений черепа не оказалось.

Больше всего поразила Ноэля мать раненого, женщина лет сорока, с уже седыми волосами и очень добрым лицом. Она не растерялась и не потеряла голову, омыла рану сына, послала за доктором. У нее степе трое мальчиков, раненый — старший. Отец погиб в немецкой ссылке. Она работает приходской прислугой. Как могут они жить на то, что зарабатывает она и старший сын? И, однако, эта женщина не казалась отчаявшейся, обуреваемой от нищеты. Полоша белая, она сказала:

— Мой сын и вы сделали то, что должны были сделать. Нельзя же, чтобы такие вещи печатались во французских газетах...

Вл. ФЕДОРОВ Голос правды

Людская культура (L'Umanité) и другие издания на различных языках.

Trybuna Ludu (L'Umanité) и другие издания на польском языке.

Иродат Уисэг (L'Umanité) и другие издания на венгерском языке.

Лидово Новини (L'Umanité) и другие издания на болгарском языке.

Будет ли услышан наш голос? — с таким вопросом полным неподдельного трагизма, четверста американцев, угнанных на фронт в Корею, обратились к своим соотечественникам. «Зачем нас послали за пять тысяч миль через океан, чтобы сражаться в войне, которая не имеет никакого отношения к нам, нашим близким, в войне, которая ведется без малейшего уважения к правам трудящегося народа этой страны, столь много перенесшего в прошлом?.. Для монополий, поставляющих самолеты, танки и оружие, эта война означает прибыль. Для нас, солдат, война означает нищету, отчаяние и смерть, а для нашего народа юма — разрушение семьи, высокие налоги и лишения».

Уже самый вопрос «Будет ли услышан наш голос?» показывает, что авторы письма — солдаты и офицеры армии США, ныне военнопленные юрефской Национальной армии, — имеют реальное представление о «свободе слова», существующей в стране доллара. Они знают, что в

Польше общий тираж газет вырос по сравнению с 1939 годом более чем в 6 раз и достиг шести миллионов экземпляров.

Полта удвоился после 1945 года тираж газет в Румынии, достигнув 4,6 миллиона экземпляров. Чехословацкая газета «Руце право», в феврале 1948 года распространялась в количестве 460 тысяч, к этому году имела тираж уже больше 700 тысяч экземпляров. В Венгрии выходит более 360 газет и журналов. Огромное развитие получила печать в Болгарии и Албании.

Быстрыми темпами расширяется производственная база печати. Всему свету известен не так давно вступивший в строй гигантский полиграфический комбинат в Варшаве — «Дом польского слова», где производится Вторая Всемирный конгресс сторонников мира. Комбинат уже действует и продолжает строиться. Его мощность, по сравнению с существующей, в будущем увеличится в шесть раз. Недалек день, когда в небо над Бухарестом вознесется многометровый золоченый шпиль величественного «Дома «Смыслие» — мощного полиграфического комбината, создаваемого румынским народом. Это предприятие сможет в течение четырех часов выпускать 2 миллиона экземпляров газет и еженедельно давать 100—130 тысяч экземпляров книг и брошюр.

Этой весной в Венгрии открылась школа журналистики. Изучая опыт советских журналистов, выдающихся деятелей демократической печати других стран, таких, как Юлиус Фучик или Габриэль Перя, слушатели этой школы готовят своим делом беззастенчиво служить идеям свободы, мира, полнотной демократии.

Следуя примеру советской прессы, печать стран народной демократии становится все более действенным и могучим орудием воспитания масс в духе марксизма-ленинизма, борьбы за переходную культуру, за построение социализма. Она учит массы на конкретных примерах и образах, взятых из всех областей жизни. Она горячо пропагандирует передовые методы труда.

Печать новой Польши сделала достоянием трудящихся страны передовой марксистско-ленинистский опыт горняка Виктора Маркевски. Чехословацкие газеты энергично борются за распространение методов работы товарищ-скоростника Вацлава Свободы.

Болгарская пресса популяризирует пример инициатора движения многоотраслевников в Болгарии ткачихи Мария Тодоровой. Ма Хан-чан в Китае, Кошети Геца в Румынии, Никола Негри в Албании, Имре Муска в Венгрии — десятки и сотни учеников советских стахановцев с помощью печати приобрели в своих странах многочисленные последователи.

Всесторонне используют печать стран народной демократии опыт борьбы советских газет за внедрение новой техники в промышленность, за экономию сырья и материалов, за снижение себестоимости.

Газеты в свободных демократических странах, как и в СССР, имеют обширный круг корреспондентов на фабриках, заводах, шахтах, новостройках, в учреждениях. В Польше, например, количество активных рабочих и сельских корреспондентов составило в прошлом году 12 тысяч человек. Постоянный рост числа рабоче-крестьянских корреспондентов, развитие критики и самокритики помогают демократической печати все лучше бороться за новые и новые успехи в строительстве основ социализма, за укрепление дела мира.

Могучей силой стала печать великого лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом. Она смело и последовательно разоблачает разбойничьи планы поджигателей войны, разоблачает заключение Пакта Мира. Если взять комплект любой такой газеты, то в нем, как в зеркале, читатель увидит народную заботу о мире.

Вот венгерская газета «Сабад неп». Профессор Эржебет Андич, председатель Общественного совета движения в защиту мира и член Всемирного Совета Мира, пишет на ее страницах:

«Пусть кампания по сбору подписей под Обращением Всемирного Совета Мира является могучим средством разоблачения врагов мира и большой школой для нашего народа, который стремится к миру. Эта кампания должна засвидетельствовать возросшую силу и сознательность нашего движения в защиту мира, верность нашего народа великому лагерю мира и его знамени — мудрому Сталину».

Проглашая столбы газет, мы влияем далсе, с каким энтузиазмом венгерский народ откликнулся на этот призыв. Уже

почти пять миллионов жителей страны поставили свои имена под требованием о заключении Пакта Мира. И рукою или оном воля, одно стремление, которое просто и непосредственно выразил крестьянин Надь из деревни Бна.

— Моя земля, — заявил он, — теперь пахнет трактором, засеваема машина; жизнь моя счастливая и мирная. Эту жизнь я буду защищать не только своей подписью, но и своим трудом.

О мире и труде пишут газеты лагеря демократии и социализма. О войне трубят продажная пресса Запада. Это — голос упадка и вырождения.

Старческий марам раздает прессу, находящуюся на содержании у американских монополий, которые ежегодно тратят под видом платы за рекламу миллионы долларов на пропаганду войны.

Но и эти «долларовые вливания» мало помогают: простые люди с каждым годом все лучше разбираются, с чьего голоса поет «свободная» пресса Запада, какую чудовищную лажину лжет паплет она.

Это особенно наглядно видно на примере титовской фашистской печати. Героический народ Югославии не желает читать газет, проповедующих человеконенавистнические взгляды, фабрикующих грязную клевету на Советский Союз и страны народной демократии, разжигающих военную истерию. Неизменно падает тираж главного органа белградской банды — газеты «Борба», все более хиреют титовские фашистские листки на местах.

На весь мир звучит непоколебимый, чистый, могучий голос печати СССР и стран народной демократии — голос мира, демократии и счастья человечества — коммунизма. К этому голосу правды чутко прислушиваются трудящиеся капиталистических стран. Он вселяет в них бодрость и надежду на лучшее будущее.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУДИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАНОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).